

Похищенная смерть

Князь Андрей уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

— Ребята, вперед! — крикнул по-детски пронзительно...

— Ура! — закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжелое знамя. <...>

Князь Андрей с батальоном уже был в двадцати шагах от орудий. Он слышал над собою неперестававший свист пуль, и беспрестанно справа и слева от него охали и падали солдаты. Он не смотрел на них; он вглядывался только в то, что происходило впереди его — на батарее...

"...Что это? Я падаю? У меня ноги подкашиваются, — подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами...> Но он ничего не видал. <...> "Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей, — не так, мы бежали, кричали и дрались..." <...> "Как же я не видал прежде этого высокого неба? <...> Ничего, ничего нет, кроме его".

Наполеон <...> остановился над князем Андреем, лежавшим навзничь с брошенным подле нею древком знамени (знамя уже как трофей было взято французами).

— Voilà une belle mort, — сказал Наполеон, глядя на Болконского.

<...> Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом...

Так ли думал двадцатитрехлетний флигель-адъютант Фердинанд (Федор) Тизенгаузен, роль которого в сражении при Аустерлице Лев Толстой передал Андрею Болконскому?

Неизвестно, сказал ли над ним Наполеон, как над князем Андреем, слова: "Какая прекрасная смерть!".

Лев Толстой авторской волей продлил жизнь своему любимому герою, дав дожить до Бородинской битвы. Прототип же его — штабс-капитан инженерных войск флигель-адъютант Фердинанд Тизенгаузен — три дня умирал мучительно в доме у кузнеца Антонина Хмеля в соседнем селе Сильнична (сейчас Славков, Чехия).

О чем же он думал, внук эстляндского ландрата, российского статского советника, возведенного в графское достоинство Римской империи, сын действительного тайного советника Ивана Андреевича (Иоганн-Отто) Тизенгаузена, управляющего в 1799 году Кабинетом е. и. в. императора Павла? Должно быть, он думал о своей молодой жене Элизе — Елизавете Михайловне Кутузовой? Или о крохотных дочерях — четырехлетней Екатерине и младшей Дарье, которой к моменту Аустерлица не было

и двух лет? Или о матери, о родительском доме близ Ревеля? А может, о тесте, фельд-маршале Кутузове, и о том, как он поднял солдат в последнюю атаку? Наверняка он что-то говорил в бреду, но никого из близких рядом не было, только кузнец, жена кузнеца и слуга. И вокруг много раненых...

Фердинанд Тизенгаузен скончался в ночь на 10 декабря 1805 года.

Двадцатилетняя Елизавета Михайловна отправилась в армию за мужем, оставив детей у бабушки Тизенгаузен. Во время битвы при Аустерлице она находилась недалеко,

в Тешене. Гибель мужа от нее скрывали. Она не слышала его последних слов...

Слуга наполнил соломой могилу, в которую опустили юного Федора-Фердинанда. Тело покрыли соломой и присыпали землей. Так прошло его временное погребение.

Через несколько недель, как только позволили военные действия, за телом приехали из России. Всем распоряжался офицер при орденах и в большом чине. Всех благодарил. Так передает людская память.

Прах Тизенгаузена перевезли на родину в Эстляндию и похоронили в алтаре Домского собора в Ревеле (Таллинн). На плите, под которой он покоится, высечено его имя. А на месте временного захоронения был установлен постамент с крестом.

Сражение близ Аустерлица на Праценских высотах впоследствии называли "Битвой трех императоров". На небольшом пространстве сошлись: российская армия, возглавляемая Александром I, австрийская во главе с Францем II и французская — под командой Наполеона.

Академик Тарле битву 2 декабря 1805 года называет одной "из самых грандиозных по своему значению во всемирной истории". Результатом битвы стал распад Священной Римской империи немецких наций.

Вот как описывает это сражение военный историк Михайловский-Данилевский: "Громады французов валили на высоте с разных сторон. Кутузов понесся вперед и был ранен в щеку... <...> Любимый зять Кутузова, флигель-адъютант граф Тизенгаузен со знаменем в руках повел вперед один расстроенный батальон и пал, пронзенный пулею насквозь".

Мы мало знаем о Фердинанде Тизенгаузене. Он погиб 23-х лет. Самое главное его деяние — смерть в бою с российским знаменем в руках.

Он не вел дневника, в тревожных последующих времена не сохранилось (или пока не отыскалось) ни одного его письма, ни одного изображения — только барельеф на надгробии...

После смерти человека остаются потомки и память о его делах.

От переписки близких молодого Тизенгаузена, от воспоминаний тех, кто его знал, исходит грустное очарование любви...

"Любезный Фердинанд" — называл его Кутузов.

"Если бы быть у меня сыну, то не хотел бы иметь другого, как Фердинанд", — писал Кутузов дочери. Смерть Фердинанда была большим горем для него.

А двадцатилетняя вдова была близка к помешательству. Ее не оставляла мысль о самоубийстве. Она даже готовила старшую — четырехлетнюю! — дочь Катю к тому, что скоро уедет в далекое путешествие. Кутузов писал дочери: "Лизанька, решаюсь, наконец, тебя пожурить: ты <.> объявляешь о дальнем путешествии, которое намереваешься предпринять и которое все предпримем, но желать не смеем, тем более, когда имеем существа, привязывающие нас к жизни"... Из других писем: "Слышу, что ты поехала в Ревель. Жаль, душенька, что там будешь много плакать. (Под Ревелем жила мать Тизенгаузена с его детьми.) Сделаем так: без меня не плакать никогда, а только со мною вместе..."

"Лизанька, мой друг сердечный, у тебя детки маленькие. Я твой лучший друг и матушка. Побереги себя для них. Жаль очень, что я не могу с тобой сейчас свидеться. Я пойду с армией по другой дороге через Венгрию, куда тебе никак в теперешнее время доехать нельзя. (Вероятно, Елизавета Михайловна хотела посетить место первого захоронения своего мужа.) Поезжай скорее к своим деткам и к матушке". Матушка — Екатерина Ивановна Тизенгаузен.

Жизнь в северной эстляндской деревне, в имении, вели скромную, наполненную трудами. Дети получали хорошее домашнее образование. Их в доме у бабушки было трое. Здесь жила дочь брата Фердинанда кузина Адель — Аделаида Павловна Тизенгаузен-Штакельберг.

Девочки были трудолюбивы, много читали. Хорошо знали французский и немецкий языки. Бабушка Тизенгаузен отдавала им все свое время.

Образованность и простота впоследствии создали предпосылки к их достойному положению в обществе как в России, так и в Европе.

В 1811 году Елизавета Михайловна выходит вторично замуж — за генерал-майора Николая Хитрово. Особой симпатии у Кутузова новый зять не вызывает. Он отзывался о нем скептически. Называет его в письмах "молодой человек". (Хитрово было тогда 40 лет.) Впрочем, — "статный,

немножко хилый, очень умный и порядочный". Так это и было. Просто Хитрово не мог заменить ему Фердинанда. В Отечественной войне по слабости здоровья Хитрово не участвовал. Не без иронии Кутузов писал дочери: "Что подельвает Хитров, с его несчастным здоровьем?". Однако во многих воспоминаниях Хитрово предстает обаятельным и неглупым человеком. Князь Вяземский называл его добрым малым и хорошим товарищем. Хитрово, по воспоминаниям современников, был хорошим отцом детям Тизенгаузена.

Жизнь налаживается. Но беды не оставляют семью в покое. В 1813 году в "битве народов" под Лейпцигом погибает кузен Фердинанда — офицер гвар-

дии двадцатилетний Карл Тизенгаузен. Вскоре умирает Кутузов.

В 1815 году Николай Хитрово получил должность российского поверенного в делах при герцоге Тосканском. Семья поселилась во Флоренции. Во флорентийской — русской и нерусской — колонии, в доме Хитрово устраивались литературные чтения, ставились домашние спектакли, бывали балы. Во Флоренции в это время было много русских. Кто-то жил постоянно, кто-то наезжал погостить — обергофмаршал Нарышкин с дочерью, адмирал Чичагов, московский богач Лунин, отец будущего декабриста, с большой семьей. (Пути семейств Луниных и Тизенгаузенов еще переплетутся, но не в Европе, а в сибирской ссылке, где будут отбывать наказание Михаил Лунин и Василий (Вильгельм-Сигизмунд) Тизенгаузен, полковник, участник трех войн, член Южного тайного общества.)

А пока во Флоренции все спокойно. Елизавета Михайловна — душа общества. Она умела собирать вокруг себя достойных людей во Флоренции, Неаполе, Петербурге. Существует свидетельство, что флорентийский салон Хитрово в 1816 году посетила м-м де Сталь. По воспоминаниям очевидца: "Его (Хитрово) жена скорее некрасива, чем красива, но она романтически настроена, не мажется, в моде, хорошо играет трагедию и горюет о своем первом муже, покойном графе Тизенгаузене <...> а также о своем славном старике-отце Кутузове".

Во Флоренции дочери Тизенгаузена дополнили свое образование, много читали. Долли выучила во Флоренции еще два языка — английский и итальянский. Сестры подрастали. В числе их подруг были знатные образованные аристократки, среди них дочь Адама Чарторыйского, министра иностранных дел России, наследная принцесса — дочь герцога — Анна-Каролина (Нанни). Сестры вели себя в этом кругу запросто и с достоинством. И не любили посещать дома, в которых на первом месте была чопорность и подчиненность жестким правилам этикета.

В марте 1817 года граф Хитрово получает "ошеломляющее известие" (из воспоминаний) о том, что его место при тосканском дворе упразднено, и что ему назначается небольшая пенсия, но при условии, чтобы жить в Тоскане.

С расстроенностью дел обострились болезни. По воспоминаниям, генерал Хитрово переносил несчастья с мужеством. Через два года, в марте 1819 г., он умер. После смерти Хитрово семья осталась почти без денег и при долгах. Они жили на скромные средства, которые им присылали из России родственники. Правительство Александра I долго не давало Елизавете Михайловне возможности возвратиться с дочерьми в Россию. Вероятно, здесь сыграла роль личная неприязнь царя к Кутузову. Как указывают современники, "скрепя сердце" царь публично обнял его по окончании войны 1812 года, дал высшую награду — орден Святого Георгия I степени, но при этом писал графу Салтыкову: "Слава Богу, у нас все хорошо, но несколько трудно выжить отсюда фельдмаршала, что весьма необходимо". (Пушкин точен: "Властитель слабый и лукавый".)

Несмотря на затруднительные обстоятельства, семья Тизенгаузен-Хитрово была часто приглашаема в лучшие дома Европы. Среди личных друзей оставались герцог Леопольд Саксен-Кобургский, впоследствии бельгийский король, прусский король Фридрих-Вильгельм III (это он назвал юную Долли "Сивиллой Флорентийской" за ее провидческий дар, о чем будет еще сказано).

Друзьями остались и многие из посетителей ее салона.

Елизавета Михайловна не могла иметь влияния на политическую жизнь, на карьеры. Ее достоянием были чистосердечие, искренность, образованность и обаяние всей семьи. Правда, в обществе бродили и злоязычные мнения. Из одного письма в Россию: "Госпожа Хитрово имеет вид <...> торгаша, который ездит по всем ярмаркам, чтобы за хорошую цену продать свой товар, который заключается в двух прелестных дочерях". Оставим эти слова на совести писавшего. Возможно, в этом

и была доля правды, потому что какой же матери не хочется пристроить своих дочерей? Но доподлинно известно, что прусский король Фридрих-Вильгельм III был влюблен в Екатерину Тизенгаузен. В мемуарной литературе есть ряд намеков на бурный роман, и что король был готов на ней жениться. Елизавета Михайловна не дала на это согласия, заявив, что внучке Кутузова не подобает вступать в морганатический брак.

А Долли в 1821 году в неполных 17 лет вышла замуж за посланника Австрии при короле обеих Сицилий графа Шарля-Луи Фикельмона, выходца из Франции. Его род, как и род Тизенгаузенов, происходил от крестоносцев. Как и Тизенгаузены, Фикельмоны были знатны, но не богаты. Как дед и отец, Шарль-Луи, оставаясь французским подданным, служил в Австрии. В те времена подобное случалось часто. В 15 лет он поступил в драгунский полк, со временем стал кавалерийским начальником, потом дипломатом, а к старости политическим писателем. Разница в годах у Долли и Шарля-Луи составляла 27 лет. Он был на шесть лет старше матери своей жены. (Для заключения брака католика Фикельмона с православной Дарьей Федоровной Тизенгаузен потребовалось разрешение римского папы. Этот документ хранится в семейном архиве потомков в Дечине.)

Несмотря на столь большую разницу в возрасте, брак был счастливым. Он продлился 36 лет. Когда Фикельмон уезжал по служебным делам, Долли очень тосковала: "Его отъезд — это всегда траурный и скорбный день для меня. В течение всей моей жизни я чувствую пустоту, когда Фикельмона здесь нет. Я вдвойне избалована его заботами обо мне, прелестью его близости, такой нежной, доброй и такой умной" (запись в дневнике 3.8.1832 г.).

Из письма Фикельмона бабушке Кутузовой: "Я очень счастлив, что снова увижу Долли, она прекрасна, как никогда; это ангел красоты и доброты... <...> Очень рад, что снова соединюсь <...> с лучшим и прелестнейшим существом на свете; разлучаться с ней — это самое большое огорчение, которое я могу испытать, а вновь с ней увидиться — самое большое счастье...

Первые годы замужества Долли счастливо прожила с сестрой и матерью в Неаполе. В 1822 году они стали собираться в гости, в Россию, но поездка сорвалась из-за болезни Екатерины. Она состоялась в следующем, 1823 году.

Сначала они прибыли на пироскафе в Ревель, где встретились с любимой бабушкой Тизенгаузен, тетками, кузинами. Наверняка они посетили

Домский собор и поклонились праху мужа и отца, прочли надпись: "Здесь покоится флигель-адъютант его величества императора всероссийского граф Фердинанд фон Тизенгаузен, кавалер орденов Марии-Терезии и Св. Анны. Он умер смертью героя от ранений, полученных накануне под Аустерлицем 1805" (надпись — по-немецки).

Потом Хитрово с дочерьми отправилась в Петербург, где их ожидала многочисленная родня во главе с бабушкой Екатериной Ильиничной Голенищевой-Кутузовой-Смоленской. (Как и Елизавета Михайловна, ее мать предпочитала именоваться полной фамилией полковница.)

Многочисленные смотрины утомляли сестер. 15 июня Долли пишет мужу, что все их дни проходят в "показах то одному, то другому, точно мы любопытные звери. Иногда меня возмущает эта манера демонстрировать меня, как будто я занимательное четвероногое". Вспомним:

И вот по родственным обедам
Развозят Таню каждый день,
Представить бабушкам и дедам
Ее доверчивую лень.

Знакомство с Пушкиным еще впереди, 7-я — "Московская" — глава "Онегина" не написана. Однако сходство ситуации налицо. Нетрудно вообразить, что сравнение уездной барышни с европейскими красавицами, вращавшимися в самом изысканном обществе, было бы не в пользу "бедной Тани". Сестры Тизенгаузен воплощали изыск, доведенный до высшей простоты. Приведу выдержки из нескольких писем, адресованных Елизавете Михайловне и ее дочерям. Для интриги не сразу назову имя автора.

"...каким выражением мне следует воспользоваться, чтобы сообщить вам о том удовольствии, которое доставила мне наша первая встреча. <...> Я думаю, что вы сами прочли это на мне лучше, чем я смог бы вам выразить...

<...> Ожидаю с нетерпением счастья снова вас увидеть", 16 июня 1823 г.

"Я был очень обрадован, встретив вас <...> и что меня особенно очаровало, это свобода и естественность, которые никогда вас не покидают и еще более усиливают присущую вам обеим прелесть. <...> Желаю вам тихой и спокойной ночи после ваших дневных треволнений..."

"...Мне совершенно невозможно выйти, не вызвав, благодаря здешним наблюдателям, р о д с к а н д а л а, несмотря на мое крайнее желание вас повидать..."

Во многих письмах автор называет мать и дочерей Трио:

"...Я получил прелестное письмо Трио вчера..."

"Я покорно подчиняюсь упрекам и даже наказаниям, которые Трио со-
благоволит на меня наложить. Прошу разрешения прийти, чтобы им под-
вергнуться сегодня, между одиннадцатью и двенадцатью часами, так как
это единственное время, которым я могу располагать..."

Я вошел бы во двор, если вы позволите.

Каменный остров. Понедельник вечером".

Это были выдержки из писем самодержца всероссийского — импера-
тора Александра I.

Первая встреча Александра с "Трио" состоялась 11 июня 1823 г. Вот
что Долли писала об этом мужу: "<...> Он начал с того, что расцеловал ма-
му <...> Он пробыл у нас два часа, неизменно разговорчивый, добрый
и ласковый, и, как будто, он всю жизнь провел с нами. Екатерина и я, мы
сейчас же попросили у него разрешения обращаться с ним как с частным
лицом, что привело его в восхищение. Он повторил нам, по крайней мере,
раз двадцать, чтобы мы не усваивали здешних привычек и оставались та-
кими, как есть — без всякой искусственности. <...>

Словом, я нахожу его прелестным".

(Может, в этот раз Александр был искренен. На дворе стоял 1823 год,
и царь многим говорил, что устал от власти.)

Мать и дочери были представлены императрице Елизавете и импера-
трице-матери. Великая княгиня Александра — жена Николая — обраща-
лась с Долли и Екатериной "как с сестрами".

Очарованный "Трио" император сменил гнев на милость — назначил
Елизавете Михайловне достаточную пенсию и наделил хорошими земля-
ми. Екатерина Тизенгаузен была пожалована фрейлиной, а 1832 году —
камер-фрейлиной, и в этой должности оставалась до старости. Все скла-
дывается хорошо.

Но тут наступает 14 декабря. Близкий родственник — Тизенгаузен Ва-
силий Карлович, командир Полтавского пехотного полка, участник рус-
ско-шведской войны 1808-1809 годов, русско-турецкой войны 1810-1811
годов, участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов 1813-
1814 годов, член Южного тайного общества — осужден на каторгу и ссыл-
ку. (Он вернулся на родину, в Нарву, в 1853 году, и через два года умер.)

В 1829 году граф Фикельмон был назначен послом Австрии в Россию
Посольство и семья посла обосновались в особняке на Дворцовой набе-
режной, д. 4, построенном по проекту Кваренги в 1790 году. Поменяв не-
сколько владельцев, дом был куплен Екатериной и сразу же подарен ею
генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Салтыкову. Его потомки им

владели до января 1918 года, но в особняке не жили, а предпочитали его сдавать посольствам.

Вот запись в дневнике Дарьи Федоровны о первых впечатлениях от нового жилья: "С 12-го мы поселились в доме Салтыкова — он красив, обширен и приятен для житья... <...> у меня хорошее предчувствие, и я думаю, что полюблю свое новое жилище. Ничего столь не забавно, как устроиться на широкую ногу и с блеском, когда знаешь, что состояния нет, и если судьба лишит вас места, то жить придется более чем скромно. Это совсем как в театре! На сцене вы в королевском одеянии — потушите кинкеты, уйдете за кулисы, и вы, надев старый домашний халат, тихо поужинаете при свете сальных свечей! Но от этого мне постоянно хочется смеяться, и ничто меня так не забавляет, как мысль о том, что я играю на сцене собственной жизни".

Опасения Фикельмона, что Долли будет плохо в холодном и чопорном Петербурге, не оправдались. Сестры имели успех. А многим нравилась жизнерадостная и эксцентричная, но неизменно искренняя Елизавета Михайловна. В своих записных книжках друг Пушкина князь Петр Андреевич Вяземский назвал ее "незабвенной в петербургских преданиях". "Она была неизменный, твердый, безусловный друг друзей своих. Друзей своих любить немудрено; но в ней дружба возвышалась до степени доблести. Где и когда нужно было, она за них ратовала, отстаивала их, не жалея себя, не опасаясь за себя неблагоприятных последствий, личных жертвований..."

Дружба, возведенная в степень доблести, вполне выразилась в отношении Елизаветы Михайловны к Пушкину. Они познакомились в 1827 году. С этого времени и до конца жизни Пушкина она была ему верным другом, снабжала его европейскими новостями, нужными книгами, получаемыми с посольской почтой, которых в России было не достать. Это она, игнорируя приличия, на коленях стояла подле умирающего Пушкина.

Пушкин был частым посетителем вечеров в посольском особняке. Вяземский пишет о собраниях в салонах матери и дочери: "Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная имела верные отголоски в этих двух родственных салонах. <...> в двух этих салонах можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры <...> и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи. <...> А что всего лучше, эта всемирная изустная разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин.

Подобных издателей не скоро найдешь. А какая была непринужденность, терпимость <...> свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах!". (Вяземский, "Записные книжки".)

В этом месте я прерву князя ради двух ремарок, только для того чтобы подтвердить его слова.

1. Долли и Вяземский, будучи близкими друзьями Пушкина, осудили его стихи "Клеветникам России", посвященные польскому восстанию 1830 г. В своем дневнике Долли называет царя Николая деспотом — за расправу над поляками.

2. Когда в 1836 году разразился в скандал по поводу "Философического письма" Чаадаева, австрийский посланник граф Фикельмон высказал в донесении своему правительству мнения, не совпадающие с российскими официальными. Он писал о "Письме": "Оно упало, как бомба, посреди русского тщеславия и тех начал религиозности и политического первенствования, к которым весьма склонны в столице". Из его подробного доклада видно, что Фикельмон читал и другие "Письма" Чаадаева, которые не были напечатаны.

Снова Вяземский: "Даже при выражении спорных мнений не было и слишком кипучих прений: это был мирный обмен мыслей, воззрений, оценок... <...> Не то, что в других обществах, в которых задиристо и стеснительно господствует запретительная система <...> везде заставы и таможни".

Это был взгляд Вяземского, то есть извне. А вот оценки самой Дарьи Федоровны относительно "других обществ". Запись в тетради 1822-1825 годов: "Мы нуждаемся, без сомнения, в обществе <...> общество могло бы быть таким простым <...> но у нас так сильно тяготение к р а б с т в у <...> что мы ищем его повсюду!".

Из письма к Вяземскому от 12 декабря 1831 г. Двадцатисемилетняя "посольша" пишет: "<...> обществу нечего нас опасаться: оно тяготеет над нами, его глухое влияние так могуче, что оно немедленно перерабатывает нас в общую форму".

А вот что пишет Дарья Федоровна сестре 30 лет спустя: "Свет, надо сказать, это соединение низости и моральных ничтожеств, к которому проникаешься глубоким отвращением по мере того, как становишься старше".

Как видим, графиня Фикельмон, имея официальные светские обязанности, на протяжении многих лет не меняла своего отношения к высшему обществу. Как жена посла Долли должна была посещать большие приемы, устраивать балы в посольском доме. Мы уже знаем, что эти обязанности были ей в тягость. В своем салоне она принимала только тех, кого хотела

видеть: "<...> очень часто бывают маленькие вечера у мамы или у нас, я их очень люблю". В "маленькие вечера" допускался очень узкий родственно-дружеский круг: мать, сестры, Фикельмон, семья дяди Павла Ивановича Тизенгаузена и несколько близких друзей, Пушкин, Вяземский, Александр Тургенев. Есть свидетельства, что в 1831 году в доме посла происходил литературный вечер Пушкина.

По убеждению пушкиниста Раевского, особняк на Дворцовой набережной описан в "Пиковой даме". Рассказ Долли об итальянском импровизаторе лег в основу "Египетских ночей", и героиня наделена некоторыми чертами Дарьи Федоровны. Есть ее черты и в отрывке "Мы проводим вечер на даче...".

Итальянская пушкинистка Нина Каухчишвили, изучив архив Долли начала 20-х годов, сделала вывод, что Дарья Федоровна предпочитала серьезное чтение. В списке прочтенных ею книг Цицерон, Вергилий, Данте, Петрарка, Гете, Шиллер, Мильтон, Ларошфуко, Гюго, Шатобриан, Гофман, Ламартин, м-м де Сталь и много других авторов.

Эрудиция сама по себе тоже капитал. Под влиянием Фикельмона у Долли постепенно развивалась историческая проницательность. Два важнейших политических события 1830 года: польское восстание (оценка Дарьи Федоровны действий российского правительства изложена выше) и второе — июльская революция во Франции.

Из дневника Долли, 15 августа 1830 года: "В течение двух недель нет иных разговоров, иных мыслей, как о французской революции <...> избрание Филиппа I так скоро последовало за отречением Карла V, что не было времени поразмыслить; во время этих огромных событий народ Парижа показал себя настолько просвещенным, таким полным единой воли, храбрости и мудрости, что им можно лишь восхищаться". (Посольская почта приходила по дипломатическим каналам. Фикельмоны раньше других получали информацию.)

6 ноября: "Общество все еще объято смертельной тоской <...> наши вторники и пятницы проходят очень хорошо, но разговоры постоянно весьма серьезные: европейские события не таковы, чтоб веселить умы <...> последствия, которые они могут иметь для всей Европы, вот что вызывает трепет. <...> Мы, возможно, накануне какого-то насильственного перелома, который невозможно предвидеть, но который представляется неизбежным, когда наблюдаешь брожение, вид помешательства, овладевший всеми умами <...> ужасное распутство ума, своеволие идей, моральное бесчинство <...> демон гордости овладел человеком".

Она немного ошиблась во времени, но пророчество сбылось...

К моменту переселения Пушкина с молодой женой в северную столицу у него были вполне сложившиеся дружественные отношения с домом Фикельмон-Хитрово-Тизенгаузен. Из первых визитов молодоженов были посещения салонов на Дворцовой набережной. Вот что описывает Дарья Федоровна в дневнике 25 октября 1831 г.: "Г-жа Пушкина, жена поэта, здесь впервые явилась в свете. Она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое — ее стан великолепен <...> в ее лице есть что-то кроткое и утонченное <...> Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии: мне показалось, что он вчера испытывал все мелкие ощущения, все возбуждение и волнение, как муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете".

21 ноября: "Самой красивой вчера была <...> Пушкина, которую мы прозвали поэтической, как из-за мужа, так и из-за ее небесной и несравненной красоты. Это образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием". ("Чистейшей прелести чистейший образец..." Вряд ли Долли к этому времени прочла "Мадонну".)

12 ноября: "Поэтическая красота г-жи Пушкиной проникает до самого сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в этом уверена! Она носит на челе печать страдания. Сейчас ей все улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней такая блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется, и весь облик как будто говорит: "Я страдаю". Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу — быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин!" (Дар Сивиллы не утрачен!)

15 страниц дневника Дарьи Федоровны посвящены дуэли и смерти Пушкина. "29 января 1837. Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот прекрасный талант, полный творческого духа и силы! И какая печальная и мучительная катастрофа заставила угаснуть этот прекрасный, сияющий светоч, которому как будто предназначено было все сильнее и сильнее освещать все, что его окружало, и который, казалось, имел перед собой еще долгие годы! Александр Пушкин <...> пять лет тому назад вступил в брак, женившись на Наталье Гончаровой, совсем юной, без состояния и необыкновенно красивой. <...> она с самого начала заняла в свете место, подобавшее такой неоспоримой красавице. <...> Она веселилась от души и без всякого кокетства, пока один француз по фамилии Дантес, кавалергардский офицер, усыновленный голландским посланником Геккерном, не начал за ней ухаживать. <...>

Вскоре Дантес, забывая всякую деликатность благоразумного человека, вопреки всем светским приличиям, обнаружил на глазах всего общества проявления восхищения, совершенно недопустимые по отношению к замужней женщине. Казалось при этом, что она бледнеет и краснеет под его взглядами, но было очевидно, что она совершенно потеряла способность обуздывать этого человека, и он был решителен в намерении довести ее до крайности. Пушкин тогда совершил большую ошибку, разрешая своей молодой и очень красивой жене выезжать в свет без него. Его доверие к ней было безгранично, тем более что она давала ему во всем отчет и пересказывала слова Дантеса — большая и ужасная неосторожность!".

Ситуация обострилась в связи с получением Пушкиным известного пасквиля. "Пушкин, глубоко оскорбленный, понял, что как бы он лично ни был уверен и убежден в невинности своей жены, она была виновна в глазах общества, в особенности того общества, которому его имя дорого и ценно. Большой свет видел все и мог считать, что само поведение Дантеса было верным доказательством невинности г-жи Пушкиной, но десятком других петербургских кругов, гораздо более значительных в его глазах, потому что там были его друзья, его сотрудники и, наконец, его читатели, считали ее виновной и бросали в нее камни. <...> Агония продолжалась 36 часов. В течение этих ужасных часов он ни на минуту не терял сознания. Его ум оставался светлым, ясным, спокойным. <...> К тому же все, что он сказал своей жене, было ласково, нежно, утешительно. <...> Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которое ее, казалось, неудержимо влекло мрачное и глубокое отчаяние. <...> Но какая бы женщина посмела бы осудить госпожу Пушкину? Ни одна, потому что все мы находим удовольствие в том, чтобы нами восхищались <...> мы слишком часто бываем неосторожны и играем с сердцами в эту ужасную и безрасчетную игру! Мы видели, как эта роковая история начиналась среди нас, подобно стольким другим кокетствам, мы видели, как она росла, увеличивалась, становилась мрачнее <...> она должна была бы стать большим и сильным уроком несчастий <...> но кто бы воспользовался этим уроком? Никогда, напротив, петербургский свет не был так кокетлив, так легкомыслен, так неосторожен в гостиных, как в эту зиму!".

В конце 30-х годов Дарью Федоровну постоянно мучают головные боли. Диагноз — "ревматизм головы". Фикельмон берет отпуск и отправляет Долли с Елизаветой Михайловной сначала в Баден-Баден, потом в Геную. В Генуе Долли прощается с матерью, которая торопится в Россию, 3 мая (ст. ст.). Елизавета Михайловна, дочь Кутузова, скоропостижно умирает.

Из некролога: "...жестокая болезнь только что унесла ее в возрасте 56 лет, но еще полную жизни, здоровья и молодости духа".

Фикельмон снова просит отпуск, чтобы побыть с женой. Отпуск он получает, и следом — отставку. Сохранилось его прощальное письмо Екатерине Тизенгаузен: "Петербург, 20 июля 1840. Я пишу вам, дорогой друг, в тревожный и волнующий для меня момент <...> Через час я уезжаю, и мое сердце полно вашей матерью, Долли и вами. Это трио, которое организовало мою жизнь и так долго составляло мое счастье, было разорвано, а остатки его разделены. Поэтому я с большой грустью в душе покидаю этот дом <...> Одна жизнь кончена, а я слишком немолод, чтобы начинать другую".

Отъезд был поспешен. В дом на Дворцовой набережной въехали другие постояльцы... Фикельмон некоторое время поработал в правительстве Меттерниха министром без портфеля. Но так как в Австрии усиливались антирусские настроения (а Фикельмона считали русофилом), он ушел из политики и стал писать книги.

Дочь Фикельмонов Елизавета-Александра в 1841 году — в 16 лет, как и мать, — вышла замуж за князя Эдмонда Кляри-и-Альдринген. Они поселились в родовом имении Кляри, в Теплице. Туда же к ним приезжали родители.

Большая политическая карьера Фикельмона возобновилась во время революции 1848 года. Как человек умеренных взглядов он вошел в состав Конституционного кабинета. На этом посту он продержался 45 дней. Уйти в отставку его вынудила демонстрация студентов, направленная против русской жены министра, против симпатии его к России.

15 апреля Долли писала сестре: "...я не в состоянии сказать, как я страдаю от этой ненависти ко всему русскому". Саму Долли в Венеции дважды арестовывала гражданская гвардия. Она с трудом вырвалась из города с дочерью, зятем и внуками на английском военном корабле. После этих потрясений Фикельмоны переехали в Теплиц, к дочери. Когда политические страсти улеглись, они совместно с Кляри покупают дворец в Венеции. Там в 1857 году умирает Шарль-Луи. Долли пережила мужа на четыре года — она умерла в Вене 10 апреля 1863 года...

Долгое время считалось, что обширная переписка семьи исчезла. В 80-х годах XIX века печатались воспоминания современников событий в пересказах первых пушкинистов, несколько разрозненных писем. В 1925 году в библиотеке бывшего особняка князей Юсуповых (Набережная Мойки, 94) была обнаружена тетрадь с письмами Пушкина к Елизавете Михайловне — большого формата в синей обложке, что говорит

о том, что ее берегли. Там же были найдены письма Елизаветы Михайловны к старшей дочери Екатерине.

(С тем, как попали письма к Юсуповым, возможно, связана семейная тайна. Когда Елизавета Михайловна с дочерью Екатериной в 1827 году окончательно вернулась в Россию, они привезли с собой воспитанника, сына некоей умершей графини. Мальчика звали Феликс Эльстон. В старости, когда Екатерина Федоровна осталась в России одна, он был ее утешением. Один из потомков Эльстона женился на последней княжне Юсуповой. И взял ее фамилию, чтобы род не угас. В результате появился на свет правнук Эльстона — князь Феликс Феликсович Юсупов, организатор и участник убийства Распутина. Но, как говорила м-м де Сталь, "в России все секрет, и ничего не тайна". В Алфавите российских дворянских родов в разделе "Тизенгаузен — графский" сказано: Екатерина (1801-1888) "умерла девицей, по слухам, имела внебрачного сына (Эльстон, Феликс Николаевич (1820-1877) от принца (!) Фридриха-Вильгельма-Людвига прусского". Так это или устойчивый слух, но перед нами еще один факт причастности потомков Фердинанда Тизенгаузена к российской истории.)

В 1927 году Пушкинский дом выпустил книгу, где находка в юсуповской библиотеке была исследована самыми авторитетными пушкинистами.

Дневники же Дарьи Федоровны в двух тетрадках и переписка семьи Фикельмон-Хитрово-Тизенгаузен сравнительно недавно — в конце 50-х, в 60-х годах — вошли в научный оборот. Они стали известны благодаря Николаю Алексеевичу Раевскому, который в 30-40-е годы жил эмигрантом в Чехии. Ему мы обязаны первым описанием замка в Бродянах, где до самой смерти жила баронесса Александра Николаевна Фризенгоф, родная сестра Натальи Николаевны Пушкиной. И его же нужно благодарить за приведенные выше страницы дневника Долли Фикельмон-Тизенгаузен о последних днях Пушкина.

Поиск был драматичен. По записным книжкам Вяземского Раевский знал, что единственная дочь Фикельмонов — правнучка Кутузова и внучка Тизенгаузена — была замужем за князем Кляри. Он чувствовал, что где-то — то ли в Чехии, то ли в Австрии — должны быть семейные архивы. По справочникам и по Готскому альманаху он разыскал потомка Кутузова и Тизенгаузена. Это был князь Альфонс Кляри-и-Альдринген. Он знал свою родословную в самых общих чертах и не знал, что образ его прапрапрадеда увековечил Толстой.

Так на оккупированной территории поднадзорный русский эмигрант увлек итальянско-австрийско-эстонско-русского князя начать поиски.

Дневника своего героического прапрапрадеда Тизенгаузена князь Альфонс не нашел, да и вряд ли вел тот дневник. Но в 1941-42 годах Раевский получил от князя в фотокопиях 15 страниц дневника Долли и неизвестное письмо к Долли Пушкина. В дальнейшем к работе над архивом Фикельмонов присоединилась чешская исследовательница Сильвия Островская и итальянская пушкинистка Нина Каухчишвили. С середины 60-х годов две тетради дневника Долли и другие документы Фикельмонов вошли в научный оборот.

Приблизившись немного к истории большой семьи Кутузовых-Фикельмонов-Хитрово-Тизенгаузен, почувствовав атмосферу любви и долгой памяти, трудно поверить, что от Фердинанда ничего не осталось. Может быть, в архивах Эстонии когда-нибудь отыщется что-нибудь о "любезном Фердинанде", о его детстве, юности... Он не дожил до зрелости.

Графы Тизенгаузен — очень древний род. Справочная книга графских домов указывает, что их предки принимали участие в крестовых походах. Выходцы из Голштинии, они расселились в прибалтийских странах и везде оставили заметный след как военные, дипломаты или религиозные деятели. Прямые предки Фердинанда Ивановича Тизенгаузена осели в Эстляндии. Большинство из них состояло в российской военной или государственной службе. Служили достойно. Среди них есть члены Государственного совета, генералы, губернаторы, предводители дворянства, сенаторы, инженеры, тайные советники. Как указывает словарь российских родов, есть и ученый-востоковед, и узник Беломорканала...

Может быть, в какой-нибудь семье — в Эстонии или в России, Италии или в Австрии — найдется какая-нибудь его вещь — медальон, игрушка. Не бывает так, чтобы от человека ничего не осталось! А Лев Николаевич и имя отобрал, поскольку у него были другие виды на дальнейшую судьбу своего героя.

Есть барельеф (по описанию с третьих рук): "Он был красивым офицером с крупным лицом, очень правильными чертами лица. Крупный нос лица не портит. Принятая тогда пышная прическа с напуском на лоб

и александровские бачки делают Тизенгаузена значительно старше его 23 лет. Он выглядит в общем привлекательным и кажется энергичным человеком". Мы-то знаем, что памятники и официальные портреты обычно льстят, добавляя величия отошедшим... По нашим теперешним представлениям, 23 года — юношеский возраст. Доверимся Толстому: "Ура! Вперед! — крикнул он по-детски пронзительно". Толстой слышал о Фердинанде от своей тетки Толстой, другой дочери Кутузова.

ФРГ

